

Сами Модiano

РАДИ ЭТОГО Я ВЫЖИЛ

История итальянского
свидетеля Холокоста

Сами Модiano
Ради этого я выжил.
История итальянского
свидетеля Холокоста
Серия «Жизнь в лагере смерти.
Пронзительные истории выживших»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69640951

Ради этого я выжил. История итальянского свидетеля Холокоста:

ISBN 978-5-04-192154-5

Аннотация

Пронзительная история самого известного итальянского узника Холокоста – об ужасах Аушвица, потере всей семьи и странствиях в поисках новой жизни

1938 год. Восемилетний Сами Модiano из еврейской общины Родоса, оккупированного войсками Муссолини, впервые узнает, что он не такой, как все: его исключают из школы и больше не разрешают учиться. Через несколько лет остров переходит под контроль нацистов, и общину депортируют в Биркенау, самый страшный освенцимский лагерь смерти. Двенадцатилетнему мальчику предстоит пережить разлуку с сестрой и видеть

медленное угасание отца. И самому выживать в нечеловеческих условиях...

Пережив «марш смерти» и бежав из лагеря, Сами оказывается на линии фронта с советской армией. А затем пешком добирается до Италии – только чтобы осознать, что у него больше нет дома: в концлагерном аду сгинула почти вся еврейская община Родоса... Спустя годы скитаний и тяжелого труда он понимает: единственный способ примириться со своим прошлым – это помнить. И говорить от лица тех, чьи голоса замолкли навсегда.

«Именно для этого нужна моя книга. Поддерживать память о тех, кто сгинул в газовых камерах и не выдержал ледяных ночей в Аушвице. Теперь я говорю за них».

—
«В этот день я словно потерял невинность: утром проснулся еще ребенком, а спать лег уже евреем". Вот как Сами Модиано, переживший Холокост, вспоминает тот день, когда из-за расовых законов его выгнали из школы на Родосе. Это был только первый шаг к ужасу. Фактически Сами был одним из 2500 евреев общины Родоса, депортированных в Биркенау. И один из очень немногих выживших. "Почему я?" – задается он вопросом снова семьдесят лет спустя. Единственный ответ – чтобы рассказать. Чтобы не забыть». – Corriere de la Sera

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

6
27

Сами Модiano

Ради этого я выжил

История итальянского свидетеля Холокоста

Sami Modiano

PER QUESTO HO VISSUTO

LA MIA VITA AD AUSCHWITZ-BIRKENAU

E ALTRI ESILI

© 2013–2015 RCS Libri S.p.A. / Milan

© 2016–2017 Rizzoli Libri S.p.A. /BUR, Milan

© 2018 Mondadori Libri S.p.A. / BUR, Milan

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

*Посвящаю эти страницы моей жене Зельме,
которая поддерживала меня своей любовью все эти
годы, памяти еврейской общины на Родосе и памяти
всех тех, кого больше нет на свете*

1

Остров роз

Я родился на Родосе в 1930 году. Родос называли «Островом роз», потому что воздух там был напитан их ароматом. Я – один из немногих счастливицев, кому повезло родиться в этом прекраснейшем месте.

Моего отца звали Джакоббе, он был уроженцем Салоников. Вместе с моим дедом Самуэлем он уехал в Америку на поиски счастья, но через несколько лет понял, что эта эскапада не принесет результатов. Вернувшись на родину, он не стал снова стучаться в ворота родного города, а решил поселиться на Родосе, найти там работу и наконец-то осесть окончательно.

Дед открыл магазинчик в Укимаду, на Пьяцца Бручата (Горелая площадь), которую так называли в память о пожаре, в свое время полностью уничтожившем ее. В этой лавочке он торговал скромными сувенирами и всякой мелочью.

На Родос дедушка Самуэль приехал уже овдовевшим стариком. Жил он очень скромно, довольствуясь малым. Для него работа в лавке была скорее способом скоротать время, держа свое предприятие в порядке и всегда имея возможность перекинуться парой слов с покупателями.

Дед и отец были представителями последней ветви семей-

ства, которое разбурелось по всему свету, и проследить его пути у меня не было никакой возможности. Тогда было гораздо проще потеряться, чем найтись, и даже самые крепкие кровные узы подвергались суровому испытанию неизбежной горькой разлукой. В течение многих лет я пытался восстановить эти разорванные связи, но поиски мои не увенчались успехом: бесконечные миграции, войны и преследования, которым подвергался мой народ, погубили почти все следы. Когда ты вынужден покинуть родную землю в поисках работы, поскольку на кону либо работа, либо свобода, трудно думать о тех, кого оставляешь. Так случилось и в семье моего отца.

К примеру, у отца был брат, о котором я вплоть до последних лет ничего не слышал. Он эмигрировал во Францию, где и умер. Больше я о нем ничего не знаю. Единственное, что я знал точно, так это что у папы в Салониках оставались двоюродные братья. Фамилия их была Иакоэль, и, по чистой случайности, на следующий день после окончания Второй мировой войны я познакомился с одним из них. Его звали Джек. Я тогда находился в Афинах и, по странному стечению обстоятельств, натолкнулся на этого блестящего человека, представлявшего в моих глазах последнюю выжившую ветвь семьи моего отца, происходившую из его родного города, из Салоников.

Порой так случается, что место, где мы родились, много о нас не говорит. Так случилось и с отцом, которому на родной

земле удача не улыбнулась. И в поисках этой удачи, проехав через Америку, он вынужден был осесть на Родосе и там начать новую жизнь.

Именно на этом прекрасном острове я получил свой маленький кусочек счастья. Именно здесь отец познакомился с мамой, Дианой Франко, девушкой из многочисленной семьи. Ее мать Рика произвела на свет двенадцать детей, и мальчиков, и девочек. В то время это не считалось редкостью, к тому же далеко не всегда все дети выживали. Семья Франко в этом смысле не была исключением: из двенадцати детей выжили только семеро, и одна из них стала моей мамой.

В браке моих родителей в 1927 году родилась моя старшая сестра Лючия, а через три года и я, Самуэль, по-семейному Сами.

Отцовская ветвь нашей семьи тоже выбрала Родос, чтобы вернуться и зажить там счастливо. На острове жила и его сестра Грация, жена еще одного Модиано, его кузена Моисея. В то время браки между двоюродными родственниками были нередки. В их браке родились четверо детей: два мальчика, Саул и Самуэль, и две девочки, Луиза и Лючия.

Самуэль, которого, как и меня, называли именем деда, рос очень умным мальчиком. Я тогда был совсем маленьким, но о нем, уже взрослом человеке, у меня остались очень яркие воспоминания. Он служил в вооруженных силах Италии, дослужился до звания капитана и несколько лет прослужил на Сицилии. Закончив военную карьеру, он решил махнуть на

все рукой и вернуться на Родос. Причины, по которым он завершил военную карьеру, остались загадкой, а может, я просто был слишком мал, чтобы их осмыслить. Но, как бы там ни было, Самуэль расстался с военной формой и нашел хорошую работу в банке. Он часто заезжал к нам в гости на велосипеде фирмы «Бьянки» и по вечерам развлекал нас игрой на фисгармонии.

История маминой семьи тоже полна отъездов и расставаний.

Моего деда с материнской стороны звали Джек. Я не могу его помнить, потому что он умер еще до моего рождения. Но мама часто рассказывала мне о его изобретательности и предприимчивости. Он занимался импортом дерева и угля из Турции и перевозил товар на «мауне», маленькой барже без мотора. Благодаря этому суденышку, которое было чуть больше обыкновенного плота, он создал неплохой товарооборот с крупными судами, курсировавшими мимо Родоса: снабжал их углем, то есть самым распространенным в то время топливом, и пополнял их съестные припасы. Таким образом, при минимуме средств и максимуме труда и изобретательности он организовал коммерцию, которая позволяла ему хорошо зарабатывать и содержать семью. У него был прекрасный дом в еврейском квартале, и, пока это было возможно, он гарантировал своим детям безбедную и спокойную жизнь. Они посещали итальянскую школу, а когда решили уехать с острова в поисках удачи, Джек убедил себя,

что их отъезд не станет злополучной погоней за пустыми надеждами. Благодаря своим связям он обеспечил детей хорошими местами на пароходах, и они благополучно прибыли к месту назначения.

Может показаться странным, что дети из хорошей семьи, мои дяди и тетки с материнской стороны, должны были уехать, чтобы найти работу, но в общей сложности ситуация, в которой они находились, мало чем отличалась от той, в какой сейчас находится современная молодежь. Хотя мой дядя Джек и был человеком достаточно зажиточным, он не мог содержать детей в течение всей жизни. Кроме того, Родос был слишком маленьким, чтобы постоянно принимать все новые поколения работников. А потому, как это случается и сегодня, молодежь, закончив учебу, стремилась эмигрировать в более большие и богатые страны.

Эта повальная миграция, охватившая остров, началась в тридцатые годы, но первые ее волны можно было наблюдать еще в начале двадцатых. Даже если Родос и был местом достаточно благополучным, риск бедности постоянно подстерегал людей из-за угла. Многие покидали остров в надежде на более достойное будущее, и большая часть родни с материнской стороны выбрала именно такой путь. Когда я родился, все они уже эмигрировали. Например, две мои тетки с материнской стороны, Мария и Виттория, уехали в Америку еще до начала тридцатых годов, одна в Сиэтл, другая в Нью-Йорк. Их старший брат Ниссим выбрал Лос-Анджелес, а са-

мый младший, Рубен, отправился в Бельгийское Конго, что по тем временам было решением весьма оригинальным.

Ни о ком из них я больше ничего не узнал. Они исчезли за горизонтом еще до моего появления на свет. Время от времени я слышал, как их упоминали в разговорах, и это всегда было связано с получением письма или фотографий с подтверждением первых экономических успехов: удачного брака, покупки дома с садом или новехонькой машины. Эти жизни никак не пересекались с моей, они шли своим чередом, и воспоминания, остававшиеся от известий о них, подходили на все смутные воспоминания, которые эмигранты всех времен оставляют после себя.

Гораздо лучше я знал других женщин из маминой семьи. Я помню маминых сестер, Луну и Ризулу. Луна была замужем, но детей не имела, а вот у Ризулы их хватало: трое сыновей, Самуэль, Джек и Садок, и три дочери, Рахель, Матильда и Рикучча. Судьба Рикуччи сложилась трагически: она попала в лагерь Аушвиц, едва выйдя замуж и родив ребенка. Да сжалится Господь над ее душой...

Но больше всех я любил бабушку Рику. Я тоже был ее любимчиком, и та ласка и забота, что доставались мне от нее, сделали мое детство незабываемым волшебным сном.

* * *

Еврейская община Родоса, к которой принадлежала моя

семья, была довольно многочисленна. В начале XX века в ней насчитывалось около пяти тысяч человек. Община процветала, и, несмотря на чередование разных дней, везучих и невезучих, люди жили хорошо.

А когда в 1912 году остров перешел под юрисдикцию правительства Италии, положение местных евреев изменилось мало. Родос и весь архипелаг Додеканес, то есть десять греческих островов, расположенных вдоль Турции, в ходе итало-турецкой войны стали частью Королевства Италии.

Это были первые симптомы конца той эры, что четыреста лет назад началась с высадки на берег Родоса нескольких еврейских семей, изгнанных из Испании, которым оттоманский правитель открыл ворота острова.

Первые изгнанники селились в городском квартале, получившем потом название Джудрия («еврейский квартал»). Родосские евреи пользовались полной свободой передвижения, и при турках Джудрия никогда не была гетто. Шли века, и между турками и евреями на острове установились прекрасные отношения. Их сосуществование оставалось исключительно мирным.

За четыре века власти турок и сорок лет итальянской оккупации родосские евреи всегда сохраняли свои традиции, начиная с языка. По существу, в Джудрии самым распространенным языком был *ладино*, смесь иврита и испанского, очень похожий на старокастильское наречие. В нашей повседневной речи слова языка первых семей, изгнанных из Ис-

пании Фердинандом II Арагонским, звучат до сих пор.

Старый город Родос был настоящей средневековой жемчужиной в оправе крепостных стен. Чтобы попасть из нашего квартала в порт, надо было пройти через Ковские ворота, которые мы называли Морскими. Были и еще два небольших выхода к морю: ворота Эспехо, то есть Зеркало, служившие рамкой для сверкающих на солнце волн, и ворота Микаэля Амато, ныне ворота Святой Катерины. Здесь, в тесной галерее некий Микаэль Амато владел лавочкой, битком набитой бочками с сельдью и сардинами и мешками с рисом и фасолью.

Чтобы попасть в верхнюю часть острова, надо было пройти в ворота Зивда, больше известные как Порта Коккинос, или Красные ворота. Здесь проходили кровавые стычки между мальтийскими рыцарями и оттоманским войском. Рыцари оборонялись под прикрытием городских стен, а турки шли в штыковую атаку. Кровь лилась потоками, отчего и такое название ворот: Красные.

Прошли века с тех пор, как турки прорвали оборону рыцарей и распространились по городу, и турецкая община начала уменьшаться в размерах. Ее члены селились ближе к Красным воротам, где в те давние времена их короновали властителями острова, а потом и вовсе ушли из города и расселились в окрестных полях. Они были отличными земледельцами и селились в деревнях и усадьбах неподалеку от горы Смиа, сколачивая себе на этих землях солидные со-

стояния.

В отличие от турецкой общины община греческая укрепи-лась и усилилась внутри городских стен, и их квартал, Неохори, стал самым большим в городе. Он занимал все пространство до самого Сократуса, включая дома вокруг замка, и про-стирался до турецких бань.

Греки тоже занимались земледелием и выращивали овец, но были скорее народом морским, склонным к тяжелым ра-ботам. Они рыбачили с лодок, но славились еще и как пре-красные столяры и плотники. Производство молочных про-дуктов было отдано на откуп туркам, которые владели круп-ными стадами коров и со временем постигли все тонкости этого ремесла. Они были главными производителями раз-личных сыров и снабжали население Родоса йогуртом, слив-ками и молоком. Продукцию свою они раскладывали по небольшим терракотовым емкостям и развозили по домам, а расчет производили в конце месяца.

Жизнь общины разворачивалась преимущественно в Джудрии. Там имелись пять синагог и, как и полагалось, коллегия раввинов. Всё было расписано по праздникам, и в урочные дни по улицам плыли вкусные запахи, и каждый дом источал дух святого праздника. Во время Пасхи (Песа-ха)¹, Пурима², Рош Гашана³, Йом-Киппура⁴ и прочих празд-

---

¹ Праздник исхода из Египта, празднуется обычно весной. (Здесь и далее прим. пер.)

² Праздник избавления евреев в Персидской империи при царе Ахашвероше и

ников женщины прихорашивались, принаряжались и готовили особые блюда. Бывали случаи, когда вся община вовлекалась в эту круговерть, и тогда в людях просыпалось глубинное ощущение себя частью одной большой семьи. И на весь день забывались все различия, а понятия «богатый» и «бедный» утрачивали свое значение. Было неприемлемо сесть за стол с сознанием того, что твоему соседу нечего есть. А следовательно, те, у кого было всего много, делились с теми, кому в жизни меньше повезло, чтобы все могли отпраздновать. Зажиточные семьи заботились о тех, кто располагал только самым необходимым для выживания, и единство общины укреплялось. Преломление хлеба создавало между людьми связь, которая была крепче связи кровной или племенной.

Праздники и трапезы, сопровождавшие их, определяли ритм Джудрии, трогали все сердца и наполняли каждый дом. Для того чтобы узнать, какой сейчас день, не надо было заглядывать в календарь, достаточно было принюхаться и определить, что готовят женщины. К примеру, если вкусно пахло мацой, это могла быть только Пасха. А значит, глава семьи должен собрать всех вокруг стола и угостить сладостями и запеканкой из кошерного мясного фарша, приготовлен-

---

его жене еврейке Эстер. В этот день дети «прячут лица», разрисовывая себя.

³ Новый год.

⁴ День искупления и прощения, когда просят прощения не только у Всевышнего, но и у близких.

ного с мацой. Эти фантастические рецепты наши женщины, в том числе и моя жена Зельма, знают очень хорошо. Под конец праздника все распевали пасхальные песнопения, и тогда мы, дети, обступали наших мам, тетюшек и бабушек, чтобы выучить слова. В то время радио было у очень немногих, а о телевидении никто и представления не имел. Зато женщины в каждой семье умели рассказывать разные истории, давать полезные и смешные советы, заставляя нас умирать со смеху от своих шуток и от своего поразительного театрального таланта. Они собирали нас дома, особенно зимой, и мы сидели на диване, плотно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

От одной смешной истории до другой мы пекли в жаровнях картошку и жарили каштаны, пока не наставал час идти спать.

В хорошую погоду праздник был еще веселее и ярче. На Родосе, к примеру, в последний день Пасхи обязательно выезжали на пикник. Ехали все. Женщины собирали корзины с едой, и у всех уже заранее были намечены места, куда поехать в последний день и вечер Пасхи. Кто ехал в Родос, кто в Трианду, кто в Сиринеллу, где были прекрасные песчаные пляжи. Те, кто досконально соблюдал закон, не решались завершать праздник таким образом, потому что для того, чтобы доехать до пляжей, надо было сесть в автобус, а на Пасху это запрещалось. Но большинство закрывали глаза на запреты: всем хотелось провести незабываемый день. На авто-

бусе или без автобуса, но, прибыв на место, сразу расстелили скатерти, начинали чистить огурцы, резать помидоры с удивительным ароматом и все это поливать оливковым маслом. Пикники заканчивались поздно вечером, и домой все возвращались с песнями. Я до сих пор помню запахи этих пиршеств на свежем воздухе: ведь для нас, детей, это были события, выходящие из ряда вон. Они врезались в память еще и потому, что обычно наш рацион разнообразием не отличался.

Наша еда была очень простой: вяленая рыба, фасоль, чечевица. Блюда бедные и питательные, рассчитанные на то, чтобы даже тот, кому почти нечего есть, мог держаться на ногах.

Одним из самых распространенных рецептов был такой: размочить до мягкости молодые виноградные листья, а потом свернуть их в трубочки и начинить смесью из риса, петрушки и маленьких помидоров. Те, кто побогаче, клали в начинку мясной фарш, а гарниром служили фасоль и помидоры.

Другим классическим блюдом, которое подавали по особым случаям, были *las cumidicas de los judios de Rodi*⁵. Готовили их долго, и самые простые ингредиенты, например лук, приобретали поистине королевскую изысканность, недаром его еще называли *sivoia riinata*, что означает *лук по-королевски*. Луковицы разрезали пополам, шелуху снимали, измель-

---

⁵ Название блюда, вероятно, написано на ладино.

чали и обжаривали на сковороде, а сама луковица шла на начинку из мясного фарша. Приготовленный таким образом лук обваливали сначала в муке, потом в яйце, потом обжаривали и запекали в печке вместе с гарниром.

Для этого блюда был нужен выносливый желудок и такое количество времени на приготовление, что увидеть его на столе было редкостью. Гораздо легче было приготовить *буррекитас*. Эти маленькие запеченные в печи трубочки с начинкой из баклажанов, картофеля или яиц ожидали нас всякий раз после возвращения из синагоги в субботу утром. Дух братства, объединявший нас, простирался гораздо дальше официальных праздников, потому что каждую субботу, возвращаясь домой из храма, мы получали множество приглашений от других еврейских семей и могли застрять в любом доме за разговорами и за *буррекитас*.

Если же с улицы ветерок приносил запах марципана, значит, через несколько дней будет либо свадьба, либо *Бар-мицва*⁶. Женщины бланшировали миндаль, размалывали его в кухонных мельничках, смешивали с сахаром и яичным белком и добавляли для аромата лимонное и апельсиновое масло. Достаточно было одной капли, чтобы запах пропитал все пространство вокруг дома, где намечался праздник, и собрал вокруг всю детвору. Когда же, после долгих часов обработки,

---

⁶ Религиозное совершеннолетие мальчиков, достигается в возрасте 13 лет. С этого возраста мальчик считается взрослым и, согласно предписаниям еврейских законов, обязан соблюдать все обряды. У девочек Бар-мицва наступает с двенадцати лет и называется Бат-мицва.

смесь застывала, женщины принимались за следующий этап работы: лепили из пасты длинные круглые полоски и разрезали их на кусочки, украшая каждый серебристым драже.

Во время Йом-Киппура, наоборот, был положен пост. Все шли в синагогу, и не дай Бог что-нибудь съесть в течение дня. Однако на Родосе даже пост имел свои запахи. Да-да, потому что, когда наконец наступал момент пополнить энергию, все евреи принимались за тонкое питье: за *пипитаду*.

Летом женщины собирали семечки дынь, мыли их и клали сушиться на белую ткань. Накануне Йом-Киппура семечки толкли в бронзовой ступке, пока они не превращались в порошок. Порошок складывали в марлевый мешочек, перевязанный бечевкой, и погружали в графин с холодной водой. Порошок около часу мок в воде, и вода становилась молочного цвета. Воду держали всю ночь на свежем воздухе, время от времени отжимая мешочек, и в результате получался напиток пипитада, идеальный для продолжения голодания.

Однако моим любимым праздником был *Пурим*. Мы собирались на «Калле Анча», что по-испански означает «Очень широкая дорога», в самом сердце квартала, неподалеку от синагоги Шалом, и все дети принимались играть. А уже оттуда все отправлялись в экипажах по направлению к легендарному месту. В годы моего детства на Родосе только шесть еврейских семей владели экипажами и лошадьми. Практически они выполняли функции такси, зарабатывая себе этим на жизнь. За одну монету они отвозили нас в сад,

которым владел местный турок. Там росли особые лимоны с очень плотной кожурой. Это путешествие длиною в каких-нибудь пару километров для нас, малышей, было огромным праздником. Возвращались мы с грузом лимонов, которые отдавали женщинам, а те готовили для нас из них цукаты, сласти и вкусное питье.

* * *

Моя семья обитала на Монте Смит⁷, но большую часть времени я проводил в еврейском квартале у двоюродных братьев и сестер. Если я не возвращался к ужину, мама даже не волновалась. Не надо было звонить по телефону, чтобы догадаться, что я остался на ужин в доме кого-нибудь из двоюродных сестер или у бабушки.

От тех лет крепче всего в памяти осталось ощущение безопасности. Ни разу за все время я не почувствовал, что мне грозит опасность, и у нас не было мест, которые надо было избегать и обходить стороной. Джудрия жила одной большой семьей. Ни барьеров, ни различий просто не существовало, и я спокойно мог сесть за стол в доме у кого-нибудь из приятелей, даже не получив никакого приглашения. Мы все друг друга знали и объединялись и в бедности, и в богатстве. Эту связь в наши дни очень трудно объяснить.

---

⁷ Монте Смит – высокий холм с античным акрополем, доминирующий над городом Родос. Назван в честь адмирала Смита, воевавшего с Наполеоном.

И эта глубокая связь вовсе не была продиктована религиозными соображениями.

На Родосе не было ультраортодоксальных евреев, и отличить еврея от других жителей острова было нелегко. Мы не носили никакой особенной одежды, даже *кипу*⁸ надевали только в синагоге.

Черную шляпу и короткую бородку носили только старички, но никто из них не стремился в этих символах выразить свою идентичность. В конечном счете эти символы становятся важными и драгоценными, только когда твоя идентичность подвергается риску и нападкам. В таких случаях заострять на них внимание и демонстрировать принадлежность к собственным корням равносильно вызову. Но на Родосе евреи жили в мире и согласии с другими этносами и религиями, и никто не чувствовал, что его идентичность находится под угрозой, а соответственно, не ощущал необходимости напоминать о своей истории всем, кто находился рядом.

Лично у меня никаких особых отношений с религией не было. Хотя в городе и были школы Всеобщего израильского альянса (*Alliance Israelite Universelle*), где дети учились до третьего класса, я посещал мужскую итальянскую школу, которая находилась за пределами городских стен. Посещать школу альянса я начал гораздо позже. Там я выучил французский язык и, спасибо маэстро Леви, постигал основы ев-

---

⁸ Кипа – традиционная шапочка, которую евреи надевали главным образом во время религиозных праздников.

рейской культуры и языка, но на это оставалось уже совсем мало времени.

В нашей семье никогда не царил дух приверженности религии. Мы соблюдали все обычаи, но не были фанатиками. К примеру, для нас, Модияно, соблюдение всех ограничений, связанных с *кашрутом*⁹, всегда было слабым местом. Мы, конечно, избегали свинины и других запрещенных продуктов, но без особой тщательности. Я рос в военное время, еды не хватало, и мы довольствовались тем, что было, невзирая на то, кошерное оно или нет. Когда наступили черные времена, нарушать запреты вынуждены были и те, кто свято чтит традиции. Когда Родос лишился возможности пополнять запасы пищи морским путем и мы оказались в буквальном смысле слова отрезанными от мира, голод довел людей до того, что за кусок хлеба они готовы были платить золотом. Мой отец изворачивался как мог, чтобы добыть пропитание для семьи. В таких условиях мало кто из евреев отказался бы от кусочка колбасы.

Мы были не единственными, кому религиозные законы устанавливали запреты на пищевые продукты. У наших соседей турок были те же проблемы, и, возможно, эта маленькая деталь поспособствовала тому, что у обеих наших общин с течением веков установились отношения солидарности.

У моего отца было много друзей среди турок, и он все-

---

⁹ Кашрут – сборник всех ограничений, связанных с пищей. Отсюда название пищи «кошерная», то есть та, которую можно есть.

гда говорил мне: «Если ты завоевал дружбу турка, можешь слепо ему доверять, ибо ты получил друга навсегда. Друг турок никогда не предаст и не ударит в спину. И если что-то захочет тебе сказать, скажет в лицо и не станет лукавить». Жизнь показала, что он был кругом прав, потому что я не раз видел, как мужественный турок с риском для жизни спасал священные свитки Торы.

Друзья турки часто заглядывали к моему отцу. Они, как и он, были страстными садоводами и могли часами обсуждать с ним по-турецки уход за посадками или фруктовыми деревьями. К их советам он очень прислушивался и считал их драгоценными. Как и многие родосские евреи, мои родители очень хорошо говорили по-турецки. Все, кто родился в XIX веке, еще до вторжения итальянцев в 1912 году, выросли во времена турецкого владычества и даже одевались на турецкий манер. То, что объединяло обе наши общины, было гораздо важнее того, что их отличало друг от друга.

С греческой православной общиной отношения сложились гораздо более напряженные. Хотя наши кварталы и соседствовали, различия между нами казались непреодолимыми. Конфликты, которые в мирное время никогда не переходили в открытую конфронтацию, вспыхнули в послевоенное время, когда после короткого периода контроля англичан остров стал греческой территорией. Те немногие, что выжили после холокоста и вернулись на Родос, не смогли reintegrироваться. Все, кто хотел снова поселиться на остро-

ве, должны были отказаться от своего происхождения и попросить греческого гражданства. Это был самый настоящий шантаж. Многие сделали хорошую мину при плохой игре ради того, чтобы вернуть нажитое имущество. К примеру, моя кузина Лючия вышла на острове замуж и получила греческий паспорт без всяких проблем. А тем, кто уехал с острова еще до войны или был депортирован, в гражданстве отказали, и они лишились всего.

Я об этом шантаже не желал ничего знать и не принял его. Я родился на этом острове, который в то время был итальянской колонией, ощущал себя итальянцем и гордился тем, что я итальянец.

* * *

Жизнь еврейской общины проходила в русле коммерции и различных ремесел, а потому по большей части в странстве от Колонны до Укимадо. Отсюда к турецкому берегу шли все торговые пути, которые почти полностью контролировали еврейские купцы. Торговлю с другими островами контролировали греки, перевозившие на своих шлюпках с Суми, Коса и Леро арбузы, дыни, огурцы и помидоры. Благодаря такой торговой сети и постоянному движению больших и малых кораблей Родос ни в чем не нуждался.

В Джудрии были представлены все ремесла, поскольку евреи, помимо своей необыкновенной способности к ком-

мерции, были большими знатоками любого из ремесел. Дело доходило до того, что почти все греческие или турецкие ремесленники, проживавшие на острове, вышли из подмастерьев еврейских ремесленников и обзавелись своими лавочками. Я был знаком с одним из них, юным греком Марко, который учился у еврейского мастера, стал прекрасным ювелиром и даже выучил язык *ладино*.

В нашей общине трудились медики, фармацевты, электрики, гидравлики, ювелиры, портные, и нередко были случаи, когда один мастер владел сразу многими профессиями. Время было трудное, и людям приходилось исхитряться работать с тем, что было под рукой. Мы жили не в ту эпоху, где господствовало правило «воспользовался и выбросил», мы, наоборот, старались отремонтировать и перепрофилировать старые вещи. А потому все понемножку владели навыками небольших работ по домашнему имуществу.

Некий Альберто Бенвенисте владел сразу несколькими профессиями: он был электриком, гидравликом, стекольщиком и жестянщиком. Он умел ловко мастерить из оцинкованного железа ведра, чайники и котлы разных размеров, причем все, что он делал, отличалось известным артистизмом исполнения. Его изделия были действительно полезны, ибо оцинкованный металл не ржавел.

Альберто был другом моего отца и взял меня к себе в подмастерья, с тем чтобы я выучился всему, что умел он. Для него, имевшего дело с металлом и всеми видами соедине-

тельных швов и сварки, сконструировать трубопровод или гидравлическую систему не составляло труда и впоследствии стало основным заработком. День за днем наблюдая за ним, я научился множеству приемов преодоления проблем разного сорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.